

Алексей Балабанов:

— Ты нашел совершенно нового героя, такого еще не было. Кто этот герой в твоём представлении?

— Во-первых, я не считаю его новым героем. Это как бы герой. А во-вторых, он нормальный, обыкновенный парень, житель нашей страны, который был на войне. Он никакой не киллер, он специально никого за деньги не убивает. Киллер — профессиональный убийца, правильно? Он не профессиональный убийца, он герой. Герой киллером быть не может. Он очень хороший, это положительный герой. Вопрос — какие поступки он совершает. Если получится то, что мы задумали, то, мне кажется, может быть интересно. Тогда может получиться действительно новый герой.

— Для тебя имеет здесь значение отсвет войны, через которую твой герой прошел?

— Отчасти имеет, потому что человеку, который когда-то кого-то уже убивал, это сделать легче. Если человек когда-то бил человека по лицу — второй раз это сделать для него большой проблемы не составит. Это вопрос изменения психики человека. Для меня, например, ударить человека или выстрелить в человека — не-возможно. А для человека, который этим занимался профессионально, — просто. Вот и все. Я считаю, что подход в том, как люди сегодня оценивают проблему жизни и смерти, насколько этот подход другой, чем был, к примеру, десять лет назад. Я считаю, что сказались две войны, которые поколение пережило, все-таки две войны мы пережили уже сегодня, и психология молодежи немножко другая, чем, к примеру, моя или твоя. Вот в этом, я думаю, может быть новизна героя. Это герой, выдвинутый временем.

— Твой герой попадает в ту среду, из которой ты сам произшел, то есть в то, с чем была связана твоя юность — свердловская тусовка, "Наутилус..." И тут, насколько я понимаю, наступает катарсис — ты как бы пускаешь героя по своему кругу, окунаешь в свою среду, в свое поколение?

— Когда я был молод...

— Ты и сейчас ничего.

— Спасибо. Когда я был молод, группа "Наутилус-Помпилиус" никому не была известна вообще. Когда мы познакомились, они только-только запи-

сали альбом "Невидимка". Это еще была подпольная группа с подпольными концертами. Сегодня "Наутилус-Помпилиус" — одна из лучших рок-групп в стране. Сегодня их знают все. И поэтому я его пускаю не по своему пути, а по пути обычному, просто ему нравится эта музыка, это все. Ему нравится музыка Славы Бутусова, ему нравится Слава Бутусов. Ему нравятся другие музыканты того поколения. Это нормально.

— А есть ли в этом какой-то подтекст? Ты-то с юности с ними, насколько мне известно, они у тебя все и тусовались, и ты был единственным, кто привозил в то время кассеты, потому что ездил за границу, а твой герой всего этого не имел. Тебе кажется, что его поколение этого недостает, ты хочешь что-то им дать из того, что было у тебя?

— Ну нет, я его не погружаю в свою среду. Это один лишь эпизод в фильме. Дело в том, что все люди мечтают познакомиться со своими кумирами. правильно? Мой герой абсолютно случайно вдруг сталкивается с теми, кого любит, чью музыку слушает. Это может случиться с каждым. Со мной когда-то случилось, с ним случилось — просто со мной неслучайно, а с ним случайно. Вот и все.

— Ты в своих работах все время тщательно избегаешь мейнстрима — то есть ты выбираешь героя из андеграунда. Для тебя понятие андеграунда продолжает существовать, оно тебе дорого сегодня?

— Да нет андеграунда никакого сегодня. Сегодня у нас нет мейнстрима, скажем так, поэтому нет андеграунда. У нас как-то еще ничего непонятно, что есть, чего нет. Вроде все есть, и непонятно, что главное, что интересно, а что неинтересно. Сегодня кино неинтересно людям — они на него не ходят. Мне кажется, что если будет хорошее кино, они будут ходить. Должны быть не тупые попсовые фильмы на уровне сериалов, а культурные. Как говорит Олег Ковалов, талантливый кинорежиссер, все коммерческое кино — кино культурное. Я с ним согласен.

— Ты все-таки элитарный режиссер, у тебя совершенно определенный почерк. Когда ты берешься за такой жанр, как в "Брате", твой почерк остается, или ты меняешь стилистику?

— Это вам судить, когда вы посмотрите фильм, остается или не остается. У меня нет на самом деле особен-

ного почерка, все фильмы, которые я снимал, разные. По стилю, по подходу. И этот будет другой. Я стараюсь делать хорошо — вот самое главное.

— Чем ты руководствовался, когда брал Сережу Бодрова на главную роль?

— Он очень органичный, у него сильный положительный заряд. Его положительное обаяние остается на пленке. Очень мало людей, которым это удается — актерам ли, непрофессионалам ли. Поэтому надо всегда проверять актера, пробовать его на пленке — есть это или нет, остается что-то или нет. Может быть супергениальный артист в театре, а в кино ничего, пусто. Сережа абсолютно органичный, абсолютно классный, я часто по одному дублю с ним снимаю. Он иногда переигрывает профессионалов, потому что он настоящий. И если кино у нас получится настоящим, будет очень хорошо.

— Для тебя имеет значение, что он мальчик образованный, интеллеktуал. Тебе в этом смысле легче с ним работать?

— Конечно, легче. Мы абсолютно равны во всем, он много предлагает. Прекрасно все понимает, толковые предложения делает, все схватывает сразу же, ему ничего не надо объяснять.

— А пару Сергей Бодров — Виктор Сухоруков ты выбирал сознательно как пару?

— Как пару — нет. А как выразителей своих ролей выбирал сознательно.

— Считается, что сложно снимать фильмы по своим сценариям.

— Я всегда снимал по своим сценариям. У меня есть только один документальный фильм, мой диплом, снятый по чужому сценарию. Но, во-первых, он не очень удачный, а, во-вторых, я его сильно переделал в процессе съемок и в итоге получилось, что я не сделал того, что хотел, людям сценарий испортил. И получилось ни то, ни се. Единственный мой опыт, я считаю, был неудачным.

Виктор Сухоруков:

— В фильме "Брат" я играю старшего брата главного героя. Алексей Балабанов написал роль на сопротивление. Я таких ролей никогда не играл. Впервые я буду здесь стараться сыграть человека, который по психологии, по энергии, по темпераменту, по поступкам мне чужд. Для меня это темный лес — и эта личность, и вообще так называемая профессия киллера.

— С Лешей Балабановым вы жили в одной квартире. Ваши личные отношения не мешают работе?

— Мы последнее время очень мало общались, а в работе он сложный человек, и характер у него трудный, он очень непростой художник, и тем не менее, если будет звать в свое кино, а у него уже есть свое кино, свой почерк, свой стиль, я никогда ему не откажу. Как бы мне ни было трудно, тяжело (а мне всегда с ним трудно и тяжело), я буду с ним со-

трудничать. Потому что это интересно и, самое главное, самое ценное для меня как актера в этом режиссере, что он меня пробует в таких вещах, которые мне были, как мне казалось, несвойственными, незнакомыми, а это всегда интересно, всегда. Это как тайна какая-то.

— Были ли другие кандидатуры на эту роль?

— Не знаю, не спрашивал. Он мне позвонил и сказал: "Витя, я пишу сценарий. Если денег не будет или будут деньги маленькие, ты согласен у меня сниматься?" Я говорю: "Пиши, Леша, пиши, буду работать". Кто откажется от работы? Меня в последнее время спрашивают: "Как живешь?" Я говорю: "Хорошо живу, пребываю в радости". — "А в чем радость-то?" — "В труде". У нас ведь главное, чтобы работа была, а когда есть работа, пусть я устану, пусть измучаюсь, пусть заболю, но пока есть работа у артиста — это самое главное. В этом и радость, и здоровье, и любовь, и прелесть жизни. Отсюда и оптимизм, ну что об этом говорить.

— Витя, я так понимаю, что вы всегда даже очень плохих людей играете, как будто они все-таки хорошие. Ваш персонаж в "Брате" — абсолютно отрицательный, или вы все равно ему нашли какие-то оправдания?

— Что такое оправдать своего персонажа? Это быть им. Я не могу относиться к нему с отрицанием, потому что в данный момент, в данную секунду, играя того или иного человека, я им становлюсь. А как я могу к себе относиться отрицательно? Я себя люблю.

